

УДК 347.672

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-3-161-168

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЗАВЕЩАНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

Свиридова Е.А.

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Брянский филиал)
241050, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 8, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены причины и условия недействительности завещаний в российском и белорусском гражданском праве, а также найдены профилактические меры правового характера. Дана краткая характеристика института недействительности завещаний в законодательстве Российской Федерации и Белоруссии. Выявлены и исследованы наиболее распространённые основания признания совершённых завещаний недействительными, связанные с пороками формы и субъектного состава. В статье приведён анализ теоретических взглядов исследователей правовой природы завещательной дееспособности граждан России и Белоруссии. В ходе исследования автором обозначен ряд проблем и предложены пути совершенствования правового регулирования наследования по завещанию в целях профилактики недействительности завещаний и максимальной реализации воли наследодателя.

Ключевые слова: наследование, нотариус, завещание, завещатель, завещательная дееспособность, форма завещания, недействительность завещания.

CERTAIN ASPECTS OF THE INSTITUTE OF INVALIDITY OF WILLS IN CIVIL LAW OF RUSSIA AND BELARUS

E. Sviridova

*Bryansk Branch of Plekhanov Russian University of Economics
8, Bezhitskaya st., Bryansk, 241050, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the causes and conditions of invalidity of wills in the Russian and Belarusian civil law, as well as the search for preventive measures of a legal nature. A brief description of the institute of invalidity of wills in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus is given. The author investigates the most common grounds for recognizing a will invalid which can be ascribed to improper form and subject composition of the latter. The article provides an analysis of the theoretical views of legal researchers on the testamentary capacity of the citizens of Russia and Belarus. In course of the study, the author identified a number of problems and suggested ways of improving the legal regulation of inheritance in order to prevent the invalidity of wills and to the best realize the will of the testator.

Key words: inheritance, notary, will, testator, testamentary capacity, the form of the will, invalidity of a will.

Договор о создании Союзного государства России и Беларуси не только регламентирует цели, вопросы гражданства, принципы формирования единого экономического пространства, но также содержит указание на то, что в Союзном государстве должно действовать сначала унифицированное, а затем и единое гражданское законодательство. Безусловно, процесс унификации может занять достаточно много времени, т. к. необходимо проделать огромный объём теоретико-аналитической и нормативной работы законодательным органам обоих государств. По мнению автора, наследственное право как подотрасль гражданского права заслуживает особого внимания, т. к. каждый гражданин и Российской Федерации, и Республики Беларусь станет участником наследственно-правовых отношений, а исследование проблем института недействительности завещаний на сегодняшний день особенно актуально. Судами рассматривается значительное количество дел, связанных с наследственными спорами, особой спецификой среди них выделяются споры о признании завещаний недействительными, т. е. неурегулированные разногласия, возникшие между наследниками по поводу юридической силы односторонней гражданско-правовой сделки – завещания. Стоит отметить, что споры о недействительности завещаний невозможны до открытия наследства, кроме того, их особенностью является тот факт, что участие самого завещателя в них исключено, а процесс доказывания сложен, т. к. исследуются факты, имевшие место при жизни наследодателя.

В соответствии со ст. 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] и ст. 1032 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) [1] переход имущества наследодателя к наследникам в порядке универсального правопреемства осуществляется как по завещанию, так и по закону. Стоит отметить, что наследованию по завещанию гражданское законодательство обоих государств отдаёт приоритет. Действующие нормы гражданского законодательства предусматривают для российских и белорусских граждан возможность реализации своего конституционного права распоряжаться принадлежащим им имуществом различными способами, в том числе совершать нотариально удостоверенное завещание (ст. 1025 ГК РФ; ст. 1045 ГК РБ), закрытое завещание (ст. 1126 ГК РФ; ст. 1046 ГК РБ), завещание, приравненное к нотариально удостоверенному (ст. 1127 ГК РФ; ст. 1047 ГК РБ), завещательное распоряжение правами на денежные средства в банках (ст. 1128 ГК РФ; ст. 1048 ГК РБ). Кроме того, граждане Российской Федерации вправе совершать завещание в чрезвычайных обстоятельствах (ст. 1129 ГК РФ). Белорусскому гражданскому праву данный вид завещаний не известен.

Как уже было отмечено, правовая сущность завещания относит его к гражданско-правовым сделкам. Как односторонняя сделка, при наличии определённых законом нарушений материального и процессуального характера завещание может быть признано недействительным, например, при условии наличия пороков субъектного состава завещательных правоотношений, пороков воли завещателя, поро-

ков формы и содержания самого завещательного распоряжения. По мнению автора, закрепление в гражданско-правовых нормах нескольких видов завещаний имеет не только позитивный, но и негативный эффект, выраженный в росте числа завещаний, признаваемых в судебном порядке недействительными, как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

Пороки субъектного состава наследственных правоотношений можно выделить среди всех оснований признания завещания недействительными как одни из наиболее распространённых. Прежде всего это касается обладания завещательной дееспособностью лицом, которое совершает завещательное распоряжение. Сущность юридического термина “дееспособность” физического лица определяется нормами ГК РФ и ГК РБ как способность приобретения своими действиями и реализации гражданских прав, а также возможность создания для себя и исполнения гражданских обязанностей. Законодательно установленный порядок наступления полной гражданской дееспособности у физических лиц регламентируется нормами п. 1 ст. 21 ГК РФ [2] и п. 1 ст. 20 ГК РБ [1] и закрепляет её у лиц, достигших совершеннолетия, т. е. возраста восемнадцати лет. К сожалению, правовая конструкция “завещательной дееспособности” ни в российском, ни в белорусском гражданском законодательстве не закреплена. Проанализировав доктринальные подходы различных авторов к данному правовому явлению, можно сказать, что завещательная дееспособность есть законодательно закреплённая способность физического лица (гражданина) своими самостоятельными

действиями осуществлять право по распоряжению имуществом, которым он обладает на праве собственности, на случай смерти. Данная формулировка коррелирует с нормами ст. 1118 ГК РФ [2] и ст. 1040 ГК РБ [1], закрепляющими возможность совершения предусмотренных законодательством обоих государств завещательных распоряжений только гражданами, обладающими дееспособностью исключительно в полном объёме.

Стоит отметить, что относительно возможности совершения завещаний ограниченно дееспособными лицами, признанными таковыми судом, в теории гражданского права высказываются различные мнения. Так, например, К.Д. Кавелин считает, что юридическая природа завещания как односторонней сделки строго личного характера не может предполагать прав каких-либо лиц давать согласие на её совершение. Безусловно, завещателю необходимо обладать полной дееспособностью, и акт волеизъявления должен быть совершён осознанно, свободно и в здравом уме [4, с. 643]. Сущность подобной точки зрения совпадает с нормами российского и белорусского гражданского права, содержащими запрет на совершение завещаний гражданами, чья дееспособность ограничена, в судебном порядке. Причиной подобного ограничения могут стать такие негативные явления, как азартные игры, злоупотребление алкогольными напитками, приём наркотических средств, психотропных веществ (ГК РБ относит к этой группе и их аналоги). Кроме того, Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает возможность ограничения дееспособности граждан,

которые по причине психического расстройства способны понимать значение совершаемых действий либо руководить ими исключительно с помощью других лиц.

Обратимся к иным точкам зрения, содержащимся в правовой доктрине. Так, П.С. Никитюк считает, что совершённое ограничено дееспособным лицом завещание будет характеризоваться личным характером, несмотря на необходимость выражения согласия на данную сделку попечителем [7, с. 122]. Автор не разделяет такой точки зрения, поскольку закреплённый в нормах российского и белорусского гражданского законодательства перечень оснований ограничения дееспособности граждан указывает на то, что подобные лица зачастую пребывают в психоэмоциональном состоянии изменённого сознания и не понимают смысла совершаемых ими действий. Не стоит исключать и возможность злоупотребления правом попечителем, например, вследствие личной заинтересованности в переходе имущества после открытия наследства либо к самому попечителю, либо к определённым лицам [8, с. 154–158]. Думается, что закреплённая законодательно необходимость давать согласие (выражать несогласие) попечителем на совершаемую подопечным одностороннюю гражданско-правовую сделку по распоряжению своим имуществом на случай смерти будет нарушать право реализации завещателем, признанным в судебном порядке ограничено дееспособным, принципа свободы завещания. Таким образом, ограничено дееспособный гражданин будет иметь возможность завещать только тем лицам и только в тех долях, с которыми

согласится попечитель, что, безусловно, противоречит строго личному характеру завещания. По мнению автора, нормы российского и белорусского права, регулирующие рассмотренные правоотношения, субъектом которых является ограниченный в дееспособности гражданин, противоречивы и нуждаются в доработке. С одной стороны, императивность норм п. 2 ст. 1118 ГК РФ и п. 2 ст. 1040 ГК РБ указывают на безусловное наличие полной дееспособности гражданина, совершающего завещание. Содержание норм ч. 3 п. 1 ст. 30 ГК РФ и ч. 3 п. 1 ст. 30 ГК РБ, с другой стороны, предоставляет ограничено дееспособным лицам правомочие на совершение гражданско-правовых сделок (в том числе завещаний) с согласия попечителя.

Российское и белорусское гражданское право предусматривает возможность совершения закрытых завещаний. Действующие нормы ст. 1126 ГК РФ и ст. 1046 ГК РБ устанавливают безусловное правило собственноручного написания и подписания закрытого завещания самим завещателем. Текст закрытого завещания, помещённый завещателем в конверт, передаётся им нотариусу при обязательном условии присутствия двух свидетелей, подписывающих конверт с завещанием [10, с. 58–60]. На основании действующих норм российского и белорусского гражданского законодательства и правил совершения нотариальных действий на конверте хранения нотариусом фиксируются сведения о гражданине, совершившем закрытое завещание, времени, а также месте принятия конверта с завещательным распоряжением и данные о личностях свидетелей. При совершении нотари-

ального действия в обязанности нотариуса входит разъяснение завещателю права на обязательную долю в наследственной массе для необходимых наследников, установленную нормами ст. 1149 ГК РФ и ст. 1064 ГК РБ. По завершении всех процессуальных действий гражданину должен быть выдан документ, подтверждающий факт принятия закрытого завещания [9, с. 33–37]. Несоблюдение перечисленных требований закона может стать основанием для признания недействительным закрытого завещания. Кроме того, остаётся открытым вопрос: когда и при каких условиях гражданином был написан текст закрытого завещания. Имели ли место пороки воли, понимал ли завещатель смысл своих действий, не было ли угрозы или насилия в момент волеизъявления со стороны третьих лиц? Все эти вопросы становятся почвой для возникновения сомнений в действительности закрытого завещания.

Сохраняя в качестве общего правила нотариальную форму удостоверения завещания, ГК РФ в ст. 1129 допускает в качестве исключения составление завещания в простой письменной форме при чрезвычайных обстоятельствах. Подобное исключение возможно лишь в случае, когда гражданин находится в положении, представляющем угрозу его жизни, и, кроме того, отсутствует возможность совершения завещательного распоряжения в иных, предусмотренных законодательством формах. Несмотря на упрощённую форму завещания в чрезвычайных обстоятельствах, императивность норм закона указывает на собственноручное его написание и подписание без использования техни-

ческих средств [6, с. 103–109]. Данная правовая норма, с одной стороны, даёт гражданину максимальную свободу в осуществлении конституционных прав по распоряжению принадлежащим ему на праве собственности имуществом, с другой – содержит достаточное количество спорных вопросов, влекущих за собой либо непризнание судом данного документа завещанием, либо, в случае признания его таковым, споры о его действительности. Стоит обратить внимание на тот факт, что нормы ГК РФ не содержат точного определения “чрезвычайных обстоятельств”, при которых возникла угроза жизни завещателя. К тому же закон не уточняет, по чьей вине эта угроза возникла (чьи действия (бездействие) привели к наступлению данных обстоятельств) [3, с. 30–33]. Более того, позволяя завещателю выразить волю относительно принадлежащего ему имущества в простой письменной форме, закон требует сделать это в присутствии двух свидетелей, при этом не указывая на их обязанность поставить фамилию, имя, отчество и свои подписи на данном документе. Возникает вопрос: каким образом суд установит, что предъявленный наследниками документ есть завещание, составленное в чрезвычайных обстоятельствах в присутствии двух свидетелей, если указанные лица, например, погибли вместе с завещателем или их розыск не даст результатов. Большое сомнение вызывает и психоэмоциональное состояние, влияющее на способность отдавать отчёт своим действиям, как завещателя, находящегося в чрезвычайных обстоятельствах, реально угрожающих жизни, так и свидетелей. Действующая норма ст. 1118 ГК РФ безапелляци-

онно указывает на то, что совершить любого рода завещание может гражданин, обладающий именно в момент его совершения полной дееспособностью. Ст. 1124 ГК РФ закрепляет невозможность быть свидетелями при составлении или подписании завещания для лиц, не обладающих в указанный момент полной дееспособностью. В связи с данными обстоятельствами очень высок риск, что составленный завещателем собственноручно документ либо вовсе не будет признан в судебном порядке завещанием в чрезвычайных обстоятельствах, либо может быть признан недействительным, что приведёт к невозможности реализации волеизъявления завещателя.

На основании анализа судебной практики автор приходит к выводу, что суды зачастую не придают должного правового значения такому значимому аспекту, как воля завещателя. Думается, что без исследования воли завещателя завещание не может считаться действительным. На завещание как одностороннюю сделку распространяются все правила, касающиеся недействительности гражданско-правовых сделок. Порок воли является одним из распространённых основа-

ний признания завещания недействительным. Фактически он выражается в несоответствии волеизъявления (выражение воли вопреки) завещателя его воле. В частности, подобное несоответствие может иметь место при введении завещателя в заблуждение или его обман [5].

Подводя итог, стоит сказать, что предоставленная гражданам российским и белорусским законодательством возможность совершать различные виды завещаний как по своему усмотрению, так и в определённых жизненных обстоятельствах имеет не только позитивный, но и негативный эффект, выражающийся в росте числа завещаний, признаваемых в судебном порядке недействительными. Несмотря на кажущуюся чёткость и устойчивость нормативного регулирования института наследования по завещанию, нормы ГК РФ и ГК РБ требуют правовой корректировки в целях профилактики недействительности завещаний и возможности для граждан обоих государств максимально реализовывать их волю.

*Статья поступила в редакцию:
09.08.2018 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-3 // Ведомости Национального собрания РБ. 1999. № 7–9. Ст. 101.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Звенигородская Н.Ф. Исторические аспекты завещания в чрезвычайных обстоятельствах // Нотариус. 2018. № 4. С. 30–33.
4. Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. 722 с.
5. Кожокар И.П. Дефекты субъекта на примере наследственных правоотношений // Наследственное право. 2015. № 2. С. 14–16.
6. Марухно В.М. Недействительность завещания с пороками формы // Власть Закона. 2015. № 4. С. 103–109.

7. Никитюк П.С. Наследственное право и наследственный процесс. Кишинев: Штиинца, 1973. 258 с.
8. Свиридова Е.А. К вопросу о недействительности завещаний с пороками субъектного состава в российском и белорусском гражданском праве // Перспективы науки. 2014. № 8 (59). С. 154–158.
9. Терехова М.В. Закрытое завещание в России: миф или реальность // Нотариус. 2015. № 2. С. 33–37.
10. Тульчевский И.Ю. Нотариальное удостоверение завещания // Нотариальный вестник. 2017. № 5. С. 58–60.

REFERENCES

1. [The Civil Code of the Republic of Belarus dated 07.12.1998 no. 218-Z]. In: *Vedomosti Natsional'nogo sobraniya RB* [Bulletin of the National Assembly of the Republic of Belarus], 1999, no. 7–9, art. 101.
2. [The Civil Code of the Russian Federation (part III) of 26.11.2001 no. 146-FZ]. In: *Sobranie Zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, no. 49, art. 4552.
3. Zvenigorodskaya N.F. [Historical Aspects of Probate in Case of Emergency]. In: *Notarius* [Notary], 2018, no. 4, pp. 30–33.
4. Kavelin K.D. *Izbrannye proizvedeniya po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Moscow, Tsentr YurInfoR Publ., 2003. 722 p.
5. Kozhokar' I.P. [The Defects of Subject by Example of Inheritance Relationships]. In: *Nasledstvennoe pravo* [Inheritance Law], 2015, no. 2, pp. 14–16.
6. Marukhno V.M. [The Invalidity of a Will with Defects of the Form]. In: *Vlast' Zakona* [Rule of Law], 2015, no. 4, pp. 103–109.
7. Nikityuk P.S. *Nasledstvennoe pravo i nasledstvennyi protsess* [Inheritance Law and Inheritance Process]. Kishinev, Shtiintsya Publ., 1973. 258 p.
8. Sviridova E.A. [The Issue of the Invalidity of Wills with Faults in Subject Composition in Russian and Belarusian Civil Law]. In: *Perspektivy nauki* [Science Prospects], 2014, no. 8 (59), pp. 154–158.
9. Terekhova M.V. [Closed Will in Russia: Myth or Reality]. In: *Notarius* [Notary], 2015, no. 2, pp. 33–37.
10. Tul'chevskii I.Yu. [Notarization of Wills]. In: *Notarial'nyi vestnik* [Notary Bulletin], 2017, no. 5, pp. 58–60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Свиридова Елена Александровна – преподаватель Брянского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;
e-mail: sviridowa@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Sviridova – lecturer at the Bryansk Branch of Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: sviridowa@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Свиридова Е.А. Отдельные аспекты института недействительности завещаний в гражданском праве России и Беларуси // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 161–168.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-3-161-168

FOR CITATION

Sviridova E.A. Certain Aspects of the Institute of Invalidity of Wills in Civil Law of Russia and Belarus. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 3, pp. 161–168.
DOI: 10.18384/2310-6794-2018-3-161-168